

Много копий сломали литературоведы, чтобы выяснить, что же значит «безмолствует»: активно протестует своим многочисленным молчанием или же бездействует<sup>519</sup>. А вряд ли стоило ломать копыя. Если печатная ремарка «безмолствует» пушкинского происхождения (а не цензурного), то это значит, что народ в сознании поэта поступал совершенно одинаково и когда как попугай повторял здравицу царю, и когда молчал, то есть оставался безучастным. Поэтому, какое бы государственное устройство ни было бы создано, народ будет всегда иметь то правительство, которого достоин.

## И. В. ЛУКОЯНОВ

---

### Современная российская историография Государственной думы (наблюдения)

---

За более чем сто лет о Государственной думе написано весьма значительное количество работ. По самым приблизительным подсчетам, их несколько тысяч, и постоянно появляются новые. Поэтому любой обзор будет неполон. Данная статья – лишь попытка очертить наиболее заметные тенденции и направления в изучении истории «российского парламента»<sup>520</sup>. Под «современной» имеется в виду историография последних полутора десятилетий, ее также, но с большей долей условности можно назвать «постсоветской».

Большое количество работ об истории Государственной думы во многом объясняется специфичностью источниковой базы: немного тем имеют такое обеспечение источниками. Это, прежде всего, корпус стенограмм (редкое явление для дореволюционной России, так как в делопроизводстве доминировали журналы с изложением мнений, а не дословные записи выступлений). Кроме того, стенограммы заседаний Думы были изданы весьма немалым по тем временам тиражом – 5000 экземпляров, они есть во многих библиотеках Российской Федерации, что снимает проблему доступа к этому источнику. Делопроизводство (сильно пострадал лишь архив I Думы, который сами думцы из-за преждевременного роспуска первого созыва народных представителей

---

<sup>519</sup> Алексеев М. П. Ремарка Пушкина «Народ безмолствует» // Пушкин. Л., 1972. С. 208–239.

<sup>520</sup> На тему «историография Государственной думы» уже есть целый ряд специальных работ, в том числе кандидатские диссертации: Исхакова О. А. I и II Государственные Думы: либеральная историография. М., 1996; Садинов В. С. Государственная Дума России (1906–1917 гг.). Историография проблемы. М., 2001.

постарались в большей части уничтожить, справедливо опасаясь, что эти бумаги могут послужить материалом для репрессий против уже бывших депутатов) палаты сохранилось относительно хорошо и составляет ныне весьма значительный фонд в РГИА (Ф. 1278). Его дополняют имеющиеся в разных хранилищах России (архивах, библиотеках, музеях) личные бумаги депутатов – это несколько десятков фондов. Конечно, их сохранность различна и, как правило, оставляет желать лучшего. Но есть исключения – например, фонд В. А. Маклакова, где представлена в колоссальном объеме его переписка (ОПИ ГИМ. Ф. 31). Особо надо отметить, что почти во всех губернских центрах самодержавной России осталось дело-производство местных комиссий по выборам в Государственные думы – это благодатный материал для плодотворных исследований с опорой на местные материалы. Им, кстати, сейчас активно пользуются<sup>521</sup>.

В советской историографии думская тема не находилась на первом плане. Это и понятно, так как народному представительству отводилась второстепенная роль, всячески подчеркивалась ограниченность революционности I и II Думы и одновременно – контрреволюционность III и IV созывов. Конечно, «позднесоветская» историография несколько отошла от этих оценок<sup>522</sup>. Так, С. М. Сидельников и Е. Д. Черменский представляли первые две Думы, их деятельность как компромисс между кадетами, иллюзорно стремившимися ввести революцию в парламентские рамки, и революционными силами, толкавшими развитие ситуации в «нужном» направлении<sup>523</sup>. Тезис о «контрреволюционности» двух последних Дум поддерживался в последние годы в основном в сочинениях А. Я. Авреха, не продвинувшегося вперед в своих представлениях о российском народном представительстве от штампов сталинских времен. Он продолжал писать о контрреволюционном характере и власти, и народного представительства, особенно после государственного переворота 3 июня 1907 г., и настаивал на том, что Столыпин и правые (т. е. – реакция) – это одно и то же. Дума в его представлении олицетворяла союз правительства с буржуазией, а так как последняя была для автора, несомненно, контрреволюционной, то и проблем не возника-

---

<sup>521</sup> См., например, авторефераты диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук: *Костылев А. В.* Выборы в I Государственную Думу. СПб., 2005; *Дмитриенко А. А.* Крестьяне Вятской губернии и выборы в I и II Государственные Думы. Пермь, 2006; *Рейзвих Ю. В.* Взаимодействие депутатов Государственной думы от Западной Сибири с населением региона в 1906–1914 гг. Омск, 2007; и др.

<sup>522</sup> Я упоминаю лишь работы, где сформулированы общие подходы к проблеме. Количество же исследований, в том числе высококачественных, так или иначе затрагивавших отдельные вопросы или периоды, весьма значительно.

<sup>523</sup> *Сидельников С. М.* Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962; *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970.

ло – все это единый лагерь, противостоящий революции. Он не признавал за ним даже реформаторского потенциала<sup>524</sup>. Схожие взгляды выражал Е. Д. Черменский, а его полемика с А. Я. Аврехом, носившая излишне акцентированный характер, представляла собой не более чем расхождение в некоторых деталях<sup>525</sup>. Несмотря на схожесть общих установок со своим «принципиальным» оппонентом, работы Е. Д. Черменского отличались хорошей фактической базой, он ввел в оборот большое количество новых архивных источников.

Такому взгляду противостоял В. С. Дякин, убедительно показав связь Думы с реформаторскими усилиями правительства. Столыпин (не правый, а политик, стремившийся лавировать между буржуазией и дворянством) опирался в своих проектировавшихся реформах на умеренно-либеральное большинство Думы (на фракцию октябристов и в какой-то мере – на национальную)<sup>526</sup>. Взгляды В. С. Дякина, представившего хорошо обоснованную концепцию третьей июньской монархии как политической системы с ограниченным реформаторским потенциалом, где важную роль играло народное представительство с октябристским большинством, являются, вероятно, вершиной советской историографии. Его концепция и сейчас является доминирующей среди специалистов. Еще дальше пошел В. И. Старцев, представив позицию буржуазии как нарастающую оппозиционность самодержавию по мере приближения к 1917 г.<sup>527</sup> Однако общее заключение для советской историографии являлось единодушным: любой путь обрекал систему на скорую гибель, вопрос состоял в том, когда и как это произойдет. Конечно, надо помнить, что другое заключение во времена жесткого идеологического диктата было в принципе невозможно.

Своего рода «мостиком» от советской к постсоветской историографии стали работы В. В. Шелохаева. Известный и авторитетный историк в 1980-х опубликовал две монографии<sup>528</sup>. Посвященные истории двух политических партий (кадетов и октябристов) – впервые в советской историографии – они отразили не только прямолинейность «классово-

---

<sup>524</sup> *Аврех А. Я.* Столыпин и третья Дума. М., 1968; он же. Царизм и IV Дума 1912–1914 гг. М., 1981; он же. Распад третьей июньской системы. М., 1985.

<sup>525</sup> *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.

<sup>526</sup> *Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; он же. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьей июньской системы. Л., 1988.

<sup>527</sup> *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977.

<sup>528</sup> *Шелохаев В. В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983; он же. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987.

го подхода» благодаря тому, что автор сместил угол зрения. Помимо очередного доказательства их «контрреволюционности» В. В. Шелохаев говорил также об отсутствии у «буржуазных» партий массовой поддержки. Он уделил больше внимания их деятельности, в частности – в Государственной думе. Конечно, в общих оценках историк придерживался официальных подходов и догм. Но, несмотря на это, он выразительно показал успех конституционных демократов на первых выборах в Думу и деятельность партийной фракции. Однако в 1990-е гг., когда, казалось, можно было писать уже с любых позиций, не находясь ни в каких заданных рамках, В. В. Шелохаев свернул с «партийного» пути на поиск общей «либеральной модели» переустройства России<sup>529</sup>. Он счел возможным нащупать единую идеологию у «российской буржуазии». Мне представляется, что поворот этот был не вполне удачен. Прежде всего, российские либералы никогда не могли объединиться. Их на время сплачивало лишь наличие общего врага – самодержавия – да и то в исключительных случаях (Прогрессивный блок в 1915–1917 гг.). Такая хроническая неспособность к объединению исключает постановку вопроса о некой общей либеральной модели, превращая ее в виртуальное упражнение. Да и если пройтись по взглядам основных идеологов-либералов, то даже в рамках одной партии, например, кадетов, существовали ярко выраженные идейные разногласия между В. А. Маклаковым, П. Б. Струве, П. Н. Милуковым и Н. В. Некрасовым. Поэтому В. В. Шелохаеву пришлось сосредоточить внимание на кадетской партии, октябристы оказались на заднем плане. Более того, историк резко упростил политическую палитру России начала XX века, сведя ее к противостоянию всего двух «начал» – бюрократического и «либерально-демократического», оставив за бортом все другие политические силы<sup>530</sup>. Последователи В. В. Шелохаева, чтобы преодолеть это противоречие, пошли дальше. Например, Д. В. Аронов, который также посвятил свое исследование поиску некой единой либеральной линии в Думе, для того, чтобы хоть как-то оздать это призрачное единство, был вынужден отсечь от либералов октябристов (т. е. просто перечеркнуть, без всяких аргументов, одно из завоеваний советской историографии)!<sup>531</sup>. Конечно, перспективы такого направления в исследованиях выглядят сомнительно.

---

<sup>529</sup> Шелохаев В. В. Идеологическая и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907–1914 гг. М., 1991; он же. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

<sup>530</sup> Шелохаев В. В. Предисловие // Демин В. А. Государственная дума России: механизм функционирования. М., 1996. С. 4.

<sup>531</sup> Аронов Д. В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.). М., 2005. С. 4.

С начала 1990-х гг. начался настоящий взрыв интереса к истории Думы. Число монографий, посвященных думской тематике, сейчас исчисляется десятками, дать характеристику всех их в одной статье невозможно: авторские подходы и тематика стали слишком разнообразными. Поэтому остановлюсь на наиболее примечательных (с моей точки зрения) и характерных работах последних лет. Прежде всего, число обобщающих (т. е. исследований, которые захватывали бы думскую проблематику широко, в целом), концептуальных (или претендующих на это) книг невелико.

Прежде всего, это большая монография А. Ф. Смирнова «Государственная дума Российской империи», опубликованная в 1998 г. с предисловием тогдашнего председателя Государственной думы Г. Н. Селезнева<sup>532</sup>. Однако претензии автора на фундаментальность противоречат избранному им «исследовательскому методу» – включению в свою книгу больших кусков (страницы!) работ других авторов без указания на источник заимствования, но с воспроизведением чужих сносок. Наиболее пострадали от такого приема А. Я. Аврех и В. Ю. Черняев. Любой читатель, знакомый с литературой по теме, может легко обнаружить этот прискорбный факт. А. Ф. Смирнов не остановился перед тем, что обобранные им историки весьма отличаются друг от друга по исходным позициям и исследовательским установкам. Такая «всеядность», а, кроме того, этические представления о границах допустимого для автора исключают для меня разбор подобных «концепций», также как и ссылки на них.

В 1996 г. увидела свет небольшая книга В. А. Демина «Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования». В ней описаны процедурно-правовые моменты избирательной системы и функционирования Думы, подробно изложены правила, по которым действовала Нижняя палата. Собственно исследовательских моментов в книге немного. Но в своем жанре это, безусловно, полезное издание, дающее читателю картину того, как функционировала Нижняя палата.

Уже в нашем столетии, в 2001–2003 гг., О. Г. Малышева издала двухтомную монографию под многообещающим названием «Думская монархия: рождение, становление, крах». Исследование получилось очень неровным (вся «думская монархия» оказалась уложена в 300 страниц), основное внимание в ней уделено «рождению», а точнее, обсуждению и подготовке проекта «булыгинской» Думы в 1905 г. Надо сказать, что такое подробное изложение петиций, обращенных к власти по случаю рескрипта Николая II министру внутренних дел А. Г. Булыгину 18 февраля 1905 г., дано впервые в историографии. Но для обобща-

---

<sup>532</sup> Смирнов А. Ф. Государственная дума Российской империи 1906–1917. Историко-правовой очерк. М., 1998.

ющей работы этого слишком мало. Далее же – начиная с совещания А. Г. Булыгина, готовившего проект учреждения Государственной думы, – внимание автора к народному представительству становится все более и более поверхностным. Собственно история Думы, как это ни странно, в книге не звучит. Отсутствует также и позиция власти по отношению к палате, а обещанное в заголовке «становление» представлено в виде кратких резюме думских сессий, что при всем желании никак не тянет на исследование. Кроме того, в книге присутствует немало неточностей и ошибок. Например, утверждение, что кадетам принадлежало «абсолютное большинство» в I Думе<sup>533</sup>. Есть и ничем не подтвержденные суждения. Так, оказывается, что в эпоху III Думы отношения между народным представительством и властью изменились из-за того, что депутаты опасались (!) разгона этой Думы (это третьей-то, работавшей в невиданном до этого согласии с правительством!), в результате чего «страна могла вернуться (!) к исходным позициям до октября 1905 г.»<sup>534</sup>. Нельзя не отметить небрежность автора в использовании источников: например, мемуары С. Ю. Витте она цитирует то по трехтомнику 1960 г., то по «Избранным воспоминаниям» 1990 г., изданным с многочисленными и значительными по объему купюрами<sup>535</sup>. Конечно, надо признать, что работы такого уровня стали нередкими в постсоветской историографии. Из позитивного можно отметить, что в этой книге, как и во многих других за последние годы, наследие советской эпохи сказывается все меньше и меньше (особенно в негативной его части). Несмотря на «невнимание» к деталям, автор все-таки пытается дать самостоятельную оценку роли Думы в политической жизни России начала XX века. Из текста вытекает, что ответственность за неудачный опыт российского парламентаризма О. Г. Малышева склонна взвалить в первую очередь на само народное представительство. Это весьма спорное представление.

Наконец, в 1995 г. два пермских историка, М. Н. Лукьянов и И. К. Кирьянов, выпустили книгу, выполненную в виде очерков, – «Парламент самодержавной России». Из опубликованных в то время обобщающих работ эта небольшая книга – одна из лучших<sup>536</sup>. Основ-

---

<sup>533</sup> *Малышева О. Г.* Думская монархия: рождение, становление, крах. М., 2003. Ч. 2. С. 10.

<sup>534</sup> Там же. С. 43.

<sup>535</sup> *Малышева О. Г.* Думская монархия: рождение, становление, крах. М., 2001. Ч. 1. С. 71, 80. 100 и др.

<sup>536</sup> *Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н.* Парламент самодержавной России: Государственная дума и ее депутаты, 1906–1917. Пермь, 1995. Дополнением и продолжением ей служит увидевшая свет в 2006 г. монография И. К. Кирьянова. См.: *Кирьянов И. К.* Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006.

ное внимание авторы сосредоточили на депутатском корпусе. Они впервые в историографии подвергли данные о персональном составе Государственной думы корреляционному анализу и пришли к крайне важным фундаментальным выводам. По их заключению, «гипотеза о существовании прямой связи между высоким социальным статусом и консервативной ориентацией для России оказалась несостоятельной. Более образованные и богатые тяготели не к консерваторам, а к либералам. Думские консерваторы были беднее, менее образованы»<sup>537</sup>. Получилось, что главной опорой в нижней палате для самодержавия являлись не крупные собственники, а выходцы из среднеимущих слоев общества. Это определяло базовую шаткость политического режима, который не пользовался поддержкой быстро крепнущей буржуазии. Не меньшее значение имеет наблюдение о расхождении среди либералов по отношению к Государственной думе. Если кадеты использовали народное представительство как рычаг для давления на правительство, то октябристы были расположены работать над законопроектами вместе с властью<sup>538</sup>. Этот вывод дает основание пересмотреть укоренившийся в отечественной историографии тезис о двух думских большинствах периода третьей монархии (правооктябристском и октябристско-кадетском). Получается, что представление об октябристско-кадетском большинстве как одной из основ всей законодательной системы, а также так называемого бонапартизма, не имеет оснований. Постоянной опорой правительства в проведении реформ могли быть только октябристы.

Нельзя не отметить и ряд более частных исследований, связанных с думской тематикой, которые вносят значительный вклад в историографию «российского парламента». Новый аспект – Государственная дума с точки зрения представительства окраин Российской империи – представлен в монографии Р. А. Циунчука<sup>539</sup>. Конечно, законодательство о выборах в Государственную думу было построено не так, чтобы дать национальным окраинам пропорциональное место в депутатском корпусе. Наоборот, их представляло крайне незначительное число депутатов, которые в лучшем случае могли лишь озвучить с думской трибуны специфические проблемы своей территории. Но справедливо утверждение автора, что Дума, несмотря на все ограничения выборного законодательства, все равно получилась многонациональной и многоконфессиональной, и уже это было важно. Сам факт того, что в зале

---

<sup>537</sup> Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н. Указ. соч. С. 99.

<sup>538</sup> Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н. Указ. соч. С. 148.

<sup>539</sup> Циунчук Р. А. Думская модель парламентаризма в Российской империи. Этноконфессиональное и региональное измерение. Казань, 2005.

Таврического дворца встретились такие разные представители России в лице депутатов, имел свое позитивное значение для империи, а говоря современным языком, для многофакторной системы «центр – регионы». Отдельный разговор – о том, что выборы в Государственную думу оживили политическую жизнь национальных регионов, способствовали развитию там национального самосознания и формированию политических партий. Не случайно после 1917 г. и гражданской войны многие депутаты Думы стояли у истоков создания ряда национальных государств (Эстония, Латвия, Азербайджан, Грузия и др.).

Совершенно на других принципах построено исследование А. Б. Николаева, посвященное роли Государственной думы в Февральской революции<sup>540</sup>. Огромная по объему монография (695 страниц) посвящена в основном пяти дням из жизни Думы – но каким! Впервые в историографии автор детально проследил события, связанные с ролью народного представительства и его депутатов в момент коллапса старого строя. Огромное количество фактов говорит о том, что Дума не была сторонним наблюдателем или просто щепкой, охваченной революционным потоком, а пыталась возглавить, подчинить себе массовое движение. Другое дело, что из этого мало что удалось. Одновременное появление вместе с Временным комитетом Государственной думы Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов привело к тому, что в течение буквально нескольких дней реальная власть над гарнизоном, а, следовательно, и над столицей империи, сосредоточилась в руках Совета. Несмотря на то, что Совет активно сотрудничал с Временным комитетом Государственной думы и его депутатами, сразу стало ясно, чья власть – настоящая, а чья носит во многом эфемерный, призрачный характер. Наверное, А. Б. Николаев преувеличивает значение Думы в те дни, изображая ее как центр революции, а власть – как думско-советскую, ставя ударение на первой части слова. Вместе с тем, исследование А. Б. Николаева представляет читателю картину огромной деятельности, которые в эти революционные дни вели многие депутаты нижней палаты.

Нестандартный подход демонстрирует качественно выполненное исследование А. В. Давиденко «Правомонархические интерпретации думской монархии» (Хабаровск, 2006). Автор представил взгляд правых на народное представительство в России. В общем, оно находится в русле работ последних лет, посвященных черносотенцам и близким им политическим группировкам, которые камнями на камне не оставили от утверждений, циркулировавших в советской историографии. А. В. Давиденко выразительно показывает, как правые не только боролись с Ду-

---

<sup>540</sup> Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005.



мой, но и искали пути использования ее в своих интересах. Так, в 1905 г. они надеялись, что народное представительство поможет им в борьбе с революцией<sup>541</sup>. Появившись во II Думе, «неумеренные» монархисты нашли методы воздействия на неуютное им представительство (провоцируя скандалы). Неожиданным, но обоснованным выглядит для современной историографии наблюдение автора о сближении правительства П. А. Столыпина с черносотенцами<sup>542</sup>.

Большое количество вопросов, связанных с действиями либеральной оппозиции в годы Первой мировой войны, поднимает монография Ф. А. Гайды<sup>543</sup>. Его исследование – о либералах, но Дума постоянно находится в фокусе. Писать на тему, где есть уже немало качественных работ – серьезное испытание для молодого историка. Думаю, что, в общем, он его выдержал, представив собственный аргументированный взгляд на проблему. Автор обстоятельно подошел к изучаемому предмету, широко использовал архивы. Позицию Ф. А. Гайды можно условно поместить между В. И. Старцевым и В. С. Дякиным: либеральная оппозиция не могла не бороться за власть. Она не боялась, а стремилась к ней. Но желания не соответствовали возможностям, в первую очередь из-за отсутствия единства. Однако на фоне уже имеющихся книг новизна данной не так уж значительна, для общей картины эта работа – лишь уточнение деталей. Концепция автора, желающего дистанцироваться от «позитивизма» как исследовательского приема, тонет в деталях. Исследование Ф. А. Гайды показывает, что традиционный исследовательский инструментарий уже не дает возможности написать что-либо совершенно новое по этой теме. Для этого нужны либо принципиально иные подходы, либо свежие исследовательские идеи.

За последние пятнадцать лет появилось значительное число исследований, посвященное отдельным вопросам истории Государственной думы. Значительное внимание в последнее время привлекли фракции. Однако, как и среди обобщающих работ, их уровень сильно разнится. Так, книга В. А. Козбаненко, вышедшая под многообещающим названием «Партийные фракции в I и II Государственных думах России (1906–1907): организационно-правовой аспект» (М., 1996), носит описательный характер, написана слишком поверхностно.

В рамках этой темы самой сложной исследовательской проблемой сейчас представляется история национальных групп и фракций в

---

<sup>541</sup> Давиденко А. В. Правомонархические интерпретации думской монархии. Хабаровск, 2006. С. 19.

<sup>542</sup> Там же. С. 46–47.

<sup>543</sup> Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914–весна 1917 г.). М., 2003.

Государственной думе<sup>544</sup>. В советской историографии ее практически невозможно было разрабатывать. Она и сейчас изучена очень неравномерно: если работы по еврейской группе, польскому коло, украинской фракции и некоторых других, можно сказать, отсутствуют (опубликовано лишь небольшое количество статей), то, к примеру, мусульманская фракция удостоена нескольких книг. Трудности здесь проистекают из самой природы появления таких депутатских объединений. Они, как правило, не имели собственной политической платформы (единственное исключение – коло), тяготея к тесному союзу с какой-нибудь «партийной» фракцией (как правило, это были кадеты и трудовики). Большие сложности вызывает и определение характера и границ их национализма, а также его природы и взаимоотношение политического и национального. Этот набор историографических проблем можно продемонстрировать на примере мусульманской группы, которая оказалась исследована наиболее обстоятельно<sup>545</sup>.

Прежде всего, я имею в виду большую, тщательно выполненную монографию Д. М. Усмановой о мусульманской фракции в Государственной думе<sup>546</sup>. Автор рассматривает ее не как политическую структуру, а как группу единоверцев<sup>547</sup>. Этому есть основания, так как фракция была слабой и самостоятельного политического лица не имела, тяготея к союзу с кадетами. Однако приведенные ею же сведения о создании во II Думе мусульманской трудовой группы свидетельствуют о непрочности конфессионального единства<sup>548</sup>. Утверждать обратное – т. е. приоритет политической ориентации – я не рискну, но, как минимум, этот вопрос невозможно решить однозначно. Д. М. Усманова также связывает казанских депутатов-мусульман с татарским национальным движением (базирующемся, по ее мнению, на мусульманстве). И снова она же сообщает, что эти депутаты, прибыв в I Думу, не создали особую

---

<sup>544</sup> В книге Д. А. Аманжоловой, В. Ю. Зорина и С. В. Кулешова речь идет о законопроектах, касавшихся национальных проблем, которые рассматривались в народном представительстве. Авторы монографии скорее представляют читателю фактическую сторону дела, чем исследуют собственно «национальный вопрос» (См.: *Аманжолова Д. А., Зорин В. Ю., Кулешов С. В.* Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законоотворчества. М., 1999).

<sup>545</sup> *Ямаева Л. А.* Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). Уфа, 2002; *Усманова Д. М.* Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной думе России (1906–1917). Казань, 1999; и др.

<sup>546</sup> *Усманова Д. М.* Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань, 2005.

<sup>547</sup> Там же. С. 4.

<sup>548</sup> Там же. С. 166–169.

группу (например, из татар), а записались в кадетскую фракцию. Лишь с появлением депутата из Закавказья А. М. Топчибашева вопрос о создании мусульманской фракции был, наконец, поставлен и решен<sup>549</sup>. Такие утверждения заставляют усомниться в слишком определенных оценках как роли в этом татарского национального движения, так и в его, прежде всего, исламском характере (а также влиянии панисламизма), делая проблему как минимум неоднозначной. Не очевидна и роль татарских депутатов как выразителей чаяний своих избирателей. Ведь сами народные избранники понимали свою миссию, прежде всего, как просветителей российских мусульман, их политических наставников<sup>550</sup>. Показателен и абсентизм татар по отношению к выборам после первой русской революции. Поэтому не удивительно, что книга, несмотря на обстоятельность и значительную фактуру оставляет большое количество вопросов. Это ни коим образом не говорит о том, что она слабая, просто проблема «Дума и национальный вопрос в России» слишком сложна.

Не лучше дело обстоит с изучением «самого крупного» национального движения – русского. Д. А. Коцюбинскому принадлежит первое в отечественной историографии исследование, затрагивающее русскую национальную фракцию, существовавшую в III и IV Думах и игравшую в них весьма заметную роль<sup>551</sup>. Несмотря на то, что он сосредоточил свое внимание на идеологии Всероссийского национального союза, тем не менее, в исследовании частично освещены и вопросы деятельности его членов в Думе. Один из основных выводов Д. А. Коцюбинского, хорошо аргументированных, состоит в том, что националисты, несмотря на их риторику, по сути, были западниками, признававшими, что Россия повторяет путь, уже пройденный странами Европы, и что самобытность – это не другой путь, а лишь его особенности. Кроме того, Д. А. Коцюбинский подметил у националистов много черт, сближавших их с умеренными либералами (октябристами). Это позволяет по-новому поставить вопрос о месте национальной фракции в Думе, разместив ее между правыми и либералами, а не помещая в правый лагерь, что обычно практиковалось в советской историографии. Справедливость такого подхода показала, кстати, история Прогрессивного блока, куда при его образовании вошла часть расколовшейся фракции (прогрессивные националисты), правда

---

<sup>549</sup> Там же. С. 151–152.

<sup>550</sup> Отношение фракции к избирателям было нетипичным для Думы: не мусульмане обращались с ходатайствами и наказами к депутатам, а они к ним с просьбами. Группа видела свою задачу в том, чтобы пропагандировать среди единоверцев идейные начала, на которых существовало народное представительство ([Топчибашев А. М.] Мусульманская парламентская фракция. [Баку, 1907]. С. 10–11, 14).

<sup>551</sup> Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.

это была треть прежней фракции, две трети ее депутатов предпочли все-таки блокироваться с правыми.

За последние годы появился ряд диссертаций, посвященных истории правых фракций в Государственной думе. Их отличает более взвешенный, чем раньше, подход к проблеме. Новые исследования подвергли сомнению краеугольный для советской историографии тезис о тесном взаимодействии власти и правых. Так, А. А. Иванов подчеркнул слабую поддержку правительством монархических организаций, их недостаточное финансирование, что автоматически разрушает и представление об инспирации самодержавием этой политической силы<sup>552</sup>. Чем дальше от революции 1905 г., тем крайне правые выглядели все более и более обреченными на неудачу защитниками царизма, донкихотами самодержавия, сражавшимися не столько за мифические материальные блага, сколько за идею, искренними приверженцами которой они являлись.

Особо надо отметить, что для исследования истории Государственной думы в последние годы стали привлекаться математические методы. Первая большая работа появилась в 1996 г., но ее сложно назвать удачной: авторы с помощью контент-анализа изучили стенографические отчеты только первой Думы (просуществовавшей всего 73 дня, а объем стенограмм – один том, хотя и немаленький), тем не менее, пришли к изумительному выводу<sup>553</sup>. Сложное исследование показало, что лексика кадетского профессора отличалась от той, которую использовали депутаты-крестьяне. Правда, для столь глубокомысленного заключения вряд ли стоило писать целую книгу. Другие попытки оказались более плодотворными. Интересный опыт исследования голосования в III Думе провели А. С. Кравченко и Ф. Т. Алескеров<sup>554</sup>. Они использовали индекс Бацанфа. Исследование показало, что коэффициент влияния разных фракций менялся не всегда пропорционально изменению их численности (это относится, прежде всего, к кадетам). Еще более любопытные результаты принес анализ роли фракций в III Думе, предпринятый А. С. Кравченко. С помощью того же индекса Бацанфа он установил крайне невысокое значение правой фракции в III Думе и, наоборот, несоизмеримо высокое – по сравнению с числом депутатов –

---

<sup>552</sup> *Иванов А. А.* Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). СПб., 2006.

<sup>553</sup> *Селунская Н. Б.* и др. Становление российского парламентаризма начала XX века. М., 1996.

<sup>554</sup> *Кравченко А. С.* Структурный анализ III Государственной думы Российской империи. М., 2006; *Алескеров Ф. Т.* и др. Согласованность и влияние групп и фракций в Государственной Думе третьего созыва по заданной тематике вопросов. М., 2005; *Алескеров Ф. Т., Кравченко А. С.* Распределение влияния фракций в Государственных думах Российской империи, 1905–1917 гг. М., 2005.

кадетов. Интересны и результаты согласованности фракций: получается, что правые чаще всего солидаризировались с национальной фракцией (0,82), а октябристы – почти пополам с кадетами и националистами при крошечном перевесе первых (0,54 против 0,48). Самые прочные блоки получались у социал-демократов с трудовиками (0,97) и у кадетов с прогрессистами (0,92). Почти не уступало им солидарное голосование кадетов и социал-демократов (0,91) – неожиданный результат. Правда, автор почему-то не исследовал комбинацию национальной фракции и октябристов. И, наконец, выясняется, что фракция правых не поддерживала правительство<sup>555</sup>. К сожалению, эти результаты нельзя рассматривать как бесспорные, так как они получены после анализа всего 9 поименных голосований по вопросам разной степени важности. Но на интересные размышления они наводят. Конечно, методики исследований нуждаются в совершенствовании как формулировок вопросов, так и подбора источниковой базы. Это обещает получить более обоснованные наблюдения и выводы.

Очевидно, что состояние историографии Государственной думы за последние годы позволяет сформулировать ряд исследовательских проблем, требующих или ждущих своего решения. Прежде всего, пока нет сильной обобщающей работы, которая бы носила концептуальный характер, была бы основана на широком круге разнообразных источников и аккумулировала бы в себе историографические достижения других авторов. Есть исследовательские проблемы, которые не получили должной разработки. Среди них я бы выделил такую проблему, как «Дума и общество»: место представительства в общественном сознании, отношение к ней в разных слоях российского общества, представление, нужна ли вообще Дума России и т. п. Эта проблема в определенной степени должна быть персонифицирована как «депутаты и общество».

Несмотря на книгу И. К. Кирьянова, следовало бы продолжить исследования в направлении «депутатские типы» с использованием математических методов обработки массива данных – ведь личные дела депутатов трех созывов хранятся в РГИА, а том, содержащий половину анкет членов I Думы, оказался в экспозиции Музея политической истории России (особняк Кшесинской).

Другая не менее значимая проблема – это история избирательных кампаний. Сейчас уже появились диссертации (Костылев А. В. Выборы в I Государственную думу. СПб., 2005), но этого недостаточно. Хорошо бы «опустить» исследования на губернский уровень. Думается, что эта вполне «диссертабельная» тема вскоре получит своих разработчиков.

---

<sup>555</sup> *Кравченко А. С.* Структурный анализ III Государственной думы Российской империи. М., 2006. С. 14–15.

Далеко не все сделано для изучения думских фракций. Даже деятельность самых крупных из них – кадетской, октябристской, национальной – до сих пор не имеет монографических работ, выполненных на современном уровне, без идейных рамок цензуры. Может быть, это замечание меньше касается трудовиков<sup>556</sup>. Я не говорю уже о небольших группах, многие из которых не были официально оформлены во фракции. Ведь кроме мусульман были еще еврейская, украинская, казачья группы, а также межфракционные объединения – например, городская группа и т. п. О них совсем мало что известно.

Совсем нет исследований на тему «Дума и война», когда народное представительство собиралось значительно реже обычного – я имею в виду действия депутатов вне Таврического дворца. Наконец, Дума в 1917 г. Кроме весьма качественного исследования А. Б. Николаева, на эту тему пока нет аналогичных работ. А ведь роль Думы и ее депутатов после Февральской революции, особенно в различных событиях на местах, – все это заслуживает пристального внимания историков.

Только в последние годы появились исследования, где рассказывается о судьбе депутатов после 1917 г. (это, например, уже упоминавшиеся монографии Р. А. Циунчука и И. К. Кирьянова). Известно, что немало членов Думы погибло в годы гражданской войны, кто-то эмигрировал в Европу, Азию, даже в Латинскую Америку. Из тех, кто остался в Советской России, многие стали жертвами репрессий. Следы большого количества депутатов после революции затерялись и судьба их неизвестна – чем не тема для поиска. Еще меньше информации о деятельности некоторых объединений депутатов Думы и Учредительного собрания, существовавших в эмиграции. (Константинопольский парламентский комитет, частное совещание бывших членов Учредительного собрания (Париж)). Наконец, сравнительный аспект: российская Государственная дума и представительные учреждения в других странах начала XX века: общее-особенное. Конечно, число тем далеко не исчерпывается перечисленными, оно может быть легко увеличено.

В общем, как мне представляется, историография Думы отражает состояние отечественной историографии, ее успехи и трудности. За последние годы появилось большое количество работ, многие оценки прошлого были пересмотрены. Но уровень опубликованного далеко не всегда отвечает строгим научным критериям. Однако ситуация постепенно меняется, хотелось бы надеяться, что к лучшему. Правда, настораживает качество обобщающих работ. Удивительное дело – если ранее, в эпоху

---

<sup>556</sup> *Колесниченко Д. А.* Трудовики в период первой российской революции. М., 1985; она же. Состав Трудовой группы в I и II Государственных думах: Сводная таблица членов фракции. М., 1988.

СССР, самые серьезные исследования появлялись почти исключительно в Москве и Ленинграде, то сейчас качественные работы по истории отечественного парламентаризма поставляет провинция: Казань, Пермь, Уфа. В них отсутствует свойственная многим исследованиям, выполненным на местном материале, зависимость от более общих трудов, несамостоятельность взглядов. Удивительно, что в России сегодня нет научного или учебного учреждения, которое бы объявило о том, что оно специализируется на изучении российского парламентаризма. Между тем, такое учреждение было бы весьма желательно, так как позволило бы координировать усилия и помогать исследователям из самых разных городов России, СНГ и даже стран «дальнего зарубежья».

**А. Б. НИКОЛАЕВ**

---

#### **IV Государственная дума и Февральская революция в новейшей отечественной литературе**

---

В 2006 году широко отмечалось 100-летие Государственной думы, а в 2007 году – 90-летие Февральской революции. Юбилейные даты способствовали появлению новых работ, посвященных выяснению роли Государственной думы в Февральской революции 1917 г. Вопрос этот исследователями поднимался при обобщении исторического опыта российского парламентаризма, при рассмотрении различных проблем истории Государственной думы. Историография этого вопроса рассматривалась автором уже несколько раз: и в монографиях<sup>557</sup>, и в специальной статье<sup>558</sup>. В рецензиях на монографии ученые высказывали, в том числе, и различные критические замечания. Данная статья является отчасти и ответом нашим критикам.

---

<sup>557</sup> Николаев А. Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории / Предисл. С. М. Ляндрес. Рязань, 2002. С. 8–15 (Программа по изучению новой и новейшей русской истории. Нотр-Дамский университет (США). Серия «Новейшая российская история: исследования и документы. Т. 2); он же. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля–3 марта 1917 года / Научн. ред. Б. Д. Гальперина. СПб., 2005. С. 10–49.

<sup>558</sup> Николаев А. Б. Государственная дума и Февральская революция 1917 года в новейшей отечественной историографии // Мавродинские чтения. 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского университета. СПб., 2004. С. 77–78.